

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.37>

Пилатова Валентина Николаевна

ЧУЖАЯ МЫСЛЬ В ФУНКЦИИ КОСВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В статье впервые описывается один из когнитивных способов непрямого влияния на жизнедеятельность людей. Речь идёт о тех ситуациях, когда человеку случайно становится известна чужая мысль, и это обстоятельство влечёт за собой перемены в его жизни. Метод идентификации языковых единиц позволяет выявить характерные признаки изучаемых текстовых составляющих. Автор приходит к выводу, что таковыми являются гармоничное сочетание универсальных общественных представлений и мотивирующей сферы сознания личности, высокая экспликативная валентность текста, сжатая форма изложения, доминирование внутренней речи в повествовании. В заключение отмечено, что косвенному влиянию со стороны людей, владеющих ценными для нас мыслями, мы подвергаемся добровольно и избирательно.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 2. С. 380-383. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-22

Дата поступления рукописи: 05.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.37>

В статье впервые описывается один из когнитивных способов непрямого влияния на жизнедеятельность людей. Речь идёт о тех ситуациях, когда человеку случайно становится известна чужая мысль, и это обстоятельство влечёт за собой перемены в его жизни. Метод идентификации языковых единиц позволяет выявить характерные признаки изучаемых текстовых составляющих. Автор приходит к выводу, что таковыми являются гармоничное сочетание универсальных общественных представлений и мотивирующей сферы сознания личности, высокая экспликативная валентность текста, сжатая форма изложения, доминирование внутренней речи в повествовании. В заключение отмечено, что косвенному влиянию со стороны людей, владеющих ценными для нас мыслями, мы подвергаемся добровольно и избирательно.

Ключевые слова и фразы: опосредованное воздействие; чужая мысль; смысловое развёртывание; внутренняя речь; мотивирующая сфера сознания; универсальная истина.

Пилатова Валентина Николаевна, к. филол. н.

Санкт-Петербургский государственный университет

pilatova_vn@mail.ru

ЧУЖАЯ МЫСЛЬ В ФУНКЦИИ КОСВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

*Не так важно, что человек сказал,
гораздо важнее, что он подумал.
Дмитрий Сергеевич Лихачёв*

То, как чужие мысли влияют на людей в ходе их прямого общения, едва ли нуждается в дальнейшем исследовании. В рамках коммуникативной лингвистики эта тема раскрыта достаточно детально. Мы хотим обратить внимание на те ситуации, когда человек знакомится с чужой мыслью непреднамеренно, по воле случая. При этом решение о том, чтобы позаимствовать ценную для него чужую мысль, слушатель принимает сам.

Конечно, передаваемые опосредованно мысли окружают нас в жизни постоянно. О них мы узнаём от окружающих людей, находим в произведениях искусства, черпаем из средств массовой информации. Одни нечаянно подслушанные нами мысли не трогают нас. Другие оставляют глубокий след в душе и даже побуждают изменить привычный жизненный уклад. Каковы же те чужие мысли, которые способны перевернуть ментальные установки человека?

Данная тема принадлежит мало исследованной области – когнитивной лингвистике, и актуальность статьи обусловлена необходимостью развивать это гуманитарное направление. Научная новизна нашей работы заключается в разработке теории косвенного влияния заимствованной мысли на жизнь человека. Наша цель – доказать, что чужая мысль может воздействовать на человека не только в ситуации прямого общения, но и опосредованным образом – в условиях бесконтактного общения. Подобное воздействие оказывается возможным, если заимствованная идея отвечает мотивационным потребностям слушателя.

Мой знакомый – Николай – рассказал мне однажды о своём отце. Отец Николая долго вынашивал мысль стать лётчиком и прилагал к этому немалые усилия. Однако лётчиком ему стать не удалось. Он стал хорошим таксистом. Эту историю Николаю поведали родственники, так как отец рано ушёл из жизни. Когда Николай вырос, он стал лётчиком.

Несомненно, Николай стал лётчиком под влиянием отцовской мечты, о которой он узнал от третьих лиц. Очевидно, откровение об отце в сочетании с сыновней любовью способно привести к такому результату.

Лингвистическому анализу в данной работе подлежат подобные случаи в художественном описании. Мы представим выдержки из литературных произведений, демонстрирующие результат влияния на персонажа мыслей человека, в контакт с которым наш герой не вступает. Оказывается, возможна ситуация, когда мы, случайно узнав чужую мысль, без сомнений берём её в расчёт как ориентир на будущее.

Почему же так происходит? Очевидно, для коррекции собственных убеждений необязательно подвергаться прямому коммуникативному воздействию со стороны собеседника. Бывает достаточно взглянуть на мысль человека как на объект, со стороны, в чужом представлении. «Внимание к объекту отражается в отношении к нему личности» [1, с. 60], – пишет М. И. Аветисян. Действительно, именно наше отношение к объекту, будь то явление, событие, мысль, заставляет нас обратить на него внимание.

Мыслительный процесс познания, с точки зрения А. А. Потёбни, есть процесс сравнения. Действие мысли состоит в соположении вновь познаваемого, ранее неизвестного, и прежде уже познанного, того, что составляет уже готовый запас мысли [7]. Подлежащий нашему анализу материал позволяет проследить, как соотносится новая важная информация и ранее освоенное знание некоторых литературных героев.

На протяжении многих веков мудрецы незыблемо верили в стремление человека познать истину. В познании истины – смысл жизни. Они полагали, что существует объективное знание, логика мысли, правила построения суждений, абсолютная идея. Людям удаётся постичь истину в полемике, построенной по заданным правилам [5; 8].

В XX веке взгляд на познание радикально меняется. Познавательную деятельность человека стали изучать на основе речевых произведений. В философии возникает новое направление – прагматизм. Согласно основоположникам прагматизма – Ч. Пирсу, У. Джемсу, Дж. Дьюи, – в основе коммуникативно-познавательной деятельности людей лежит не стремление к познанию истины, а стремление отстоять свои убеждения [3; 4; 6].

С нашей точки зрения, примирение в данном вопросе можно найти в работах Л. С. Выготского. С одной стороны, он тщательно описывает мотивирующую сферу сознания, охватывающую наши влечения, интересы, побуждения, аффекты и эмоции. Мотивирующая сфера сознания препятствует единомыслию, всеобщности в познании. С другой стороны, Л. С. Выготский большое значение придаёт такой форме деятельности сознания, как внутренняя речь. Внутренняя речь, свободная от коммуникативных условностей, позволяет приблизиться к объективному пониманию вещей [2].

Л. С. Выготский считает, что мысль говорящего не совпадает с его речевым выражением. Поэтому непосредственное общение сознаний невозможно, причём не только физически, но и психологически. Общение сознаний может быть достигнуто только косвенным, опосредованным путём. Это сложный путь, который нужно прокладывать [Там же].

Мы согласны с тонким наблюдением учёного. Действительно, чтобы понять мысль другого человека, нередко приходится истолковывать, уточнять произнесённое и учитывать многие вещи, которые выходят за пределы темы диалога, ссылаться на чужой опыт. Внутренняя речь позволяет пройти этот путь значительно быстрее, так как она предоставляет нам возможность не оглядываться на реакцию слушателя и пренебречь этикетом общения. Автор внутренней речи, учитывая интересные для него идеи других людей, в своём мысленном монологе обращается к самому себе честно и прямо.

Докажем эти мысли, проанализировав примеры.

Кэти, героине романа К. Исигуро «Не отпускай меня», в ходе беседы со своей подругой Руфь становится известна очень важная точка зрения её возлюбленного – Томи. Руфь сообщает Кэти, что Томи не уважает девушек, имеющих нескольких сексуальных партнёров.

(1) *'You must know what I mean. Tommy doesn't like girls who've been with... well, you know, with this person and that. It's just a thing he has. I'm sorry, Kathy, but it wouldn't be right not to have told you'* [9, p. 197, 198]. / Ты, наверное, знаешь, что я имею в виду. Томи не нравятся девочки, которые были, ну, понимаешь, с этим парнем и с тем. Есть у него такое. Извини, Кэти, но было бы неправильно не сказать тебе об этом (здесь и далее перевод автора статьи. – В. П.).

Кэти шокирована сообщением. Она узнала ценностные критерии её возлюбленного не от него самого, а от их общей знакомой. Чтобы принять на веру обескураживающую новость, этого оказывается достаточно. Кэти, у которой было несколько сексуальных партнёров, понимает, что Томи никогда не полюбит её.

Кэти и сама ещё до разговора с подругой осознала ошибочность своего опрометчивого поведения, о чём свидетельствует её признание.

I did it with Hughie. And with Oliver. It didn't mean anything deep down. I don't even like them much [Ibidem, p. 179]. / У меня это было с Хьюи. И с Оливером. Это не значит, что было что-то серьёзное. Мне они даже не очень-то нравились.

Реакция Кэти была бы более спокойной, если бы она не любила Томи. Вскоре мы читаем текст, из которого узнаём, что Кэти твёрдо решает уехать навсегда.

It wasn't long after that I made my decision, and once I'd made it, I never wavered. I just got up one morning and told Keffer's I wanted to start my training to become a carer. It was surprisingly easy [Ibidem, p. 199]. / Вскоре после этого я приняла решение и, приняв его, уже не сомневалась. Однажды утром я просто встала и сказала Кефферсу, что хочу начать обучение, чтобы стать сиделкой. Это оказалось на удивление легко.

На принятие решения Кэти повлиял не разговор с её подругой как таковой, а узанная ею мировоззренческая позиция Томи. Кэти даже не считает нужным объясниться с самим молодым человеком. Если бы такой разговор состоялся, то наверняка Томи постарался бы смягчить ситуацию. Подобное непосредственное общение оказалось бы лицемерным. Кэти не важно, какую коммуникативную тактику избрал бы Томи; ей важно то, что он думает. На интуитивном уровне она ощущает тот же объективно существующий моральный закон, общепринятый и неизменный, который известен Томи. Кэти также осознаёт, что нарушила этот неписанный закон она сама, и теперь ничего нельзя вернуть.

В мыслях читателя тоже совершается интенсивная работа. Сжатое повествование эпизода обладает высокой экспликативной валентностью, т.е. большим потенциалом к смысловому развёртыванию. Текст отсылает нас к мыслям о незыблемых нравственных устоях, хрупкости человеческих отношений, невозможности восстановить утраченное.

Обратимся к следующему примеру.

В одном из эпизодов произведения К. Исигуро «Остаток дня» мистер Чарльз с восхищением описывает стиль работы дворецкого в богатом имении. Слушателем является сын дворецкого Стивенс, который, как и его легендарный отец, позже тоже становится дворецким.

Однажды дворецкому-отцу пришлось везти на автомобиле подвыпивших молодых гостей хозяина имения, которые в безудержных развлечениях теряли чувство меры и своим разнузданным поведением вызывали отвращение. Дворецкий при этом оставался невозмутимым, но вместе с тем идти у богатых невежд на поводу не считал нужным. Ниже приведённые фрагменты текста содержат описание достойного поведения высокопрофессионального дворецкого.

(2) *Mr Charles remembered marvelling at how my father showed not one hint of discomfort or anger, but continued to drive with an expression balanced perfectly between personal dignity and readiness to oblige* [10, p. 39]. / *Мистер Чарльз с восхищением вспоминал, как мой отец ни малейшим образом не показывал, что испытывает неудобство или раздражение, а спокойно продолжал вести машину с выражением лица, в котором читалось личное достоинство и готовность выполнять свои обязанности.*

Далее следует ещё один эпизод, свидетельствующий о чувстве собственного достоинства и невозмутимости того же персонажа.

Дворецкому однажды пришлось обслуживать гостившего в имении генерала, из-за профессиональной ошибки которого бесславно погиб один из его сыновей, брат Стивенса. Это случилось в ходе военного конфликта в Южной Африке.

Yet so well did my father hide his feelings, so professionally did he carry out his duties, that on his departure the General had actually complimented Mr John Silvers on the excellence of his butler and had left an unusually large tip in appreciation – which my father without hesitation asked his employer to donate to a charity [Ibidem, p. 43]. / *Но мой отец так умело прятал свои чувства, так профессионально выполнял свои обязанности, что во время отъезда генерал даже сделал комплимент мистеру Джону Сильверсу в отношении отличных качеств его дворецкого и в благодарность оставил необычайно большие чаевые, которые мой отец без колебаний попросил своего нанимателя пожертвовать на благотворительность.*

Вспоминая эти случаи, Стивенс размышляет на тему *“What is a great butler?”* [Ibidem, p. 32]. / *«Кто такой великий дворецкий?»*. Образ всегда владеющего собой отца накладывается на его представления об английском национальном характере, преобразуясь в оригинальный личностный дискурс. Нижеследующая сентенция литературного героя, позволяющая нам понять ход его мысли, обладает высоким потенциалом к смысловому развёртыванию: она требует аргументации и вызывает сомнение в отношении превосходства англичан над жителями континентальной Европы.

Butlers only truly exist in England... Continentals are unable to be butlers because they are as a breed incapable of the emotional restraint which only the English race is capable of... We English have an important advantage over foreigners in this respect and it is for this reason that when you think of a great butler, he is bound, almost by definition, to be an Englishman [Ibidem, p. 44]. / *Настоящие дворецкие бывают только в Англии... Жители континентальной Европы не способны быть дворецкими, потому что они по природе своей не могут сдерживать эмоции. Это присуще только английской расе... Мы, англичане, в этом отношении значительно превосходим иностранцев, и по этой причине, когда вы представляете себе великого дворецкого, это обязательно, по определению, англичанин.*

Мистер Чарльз не намеревался помочь Стивенсу найти ответ на вопрос *«Кто такой великий дворецкий?»*. Он просто хотел, чтобы сын гордился отцом. Стивенс приходит к логическому умозаключению о том, что профессиональная этика отца является образцом, на основании его рассказа. Во внутренней речи Стивенса мотивация – стремление охарактеризовать великого дворецкого – гармонично накладывается на его представления об особенностях английской нации. Всё это приводит к появлению лаконичного субъективного видения образа дворецкого в идеале.

Обратимся к эпизоду из произведения Дж. Джойса «Мёртвые», в котором автор описывает окончание торжественного приёма по случаю Рождества. Гости покидают дом под звуки музыки, которая заставляет героиню рассказа Грэтту замереть в воспоминаниях о чём-то сокровенном. Габриэл, любящий её муж, замечает издали одухотворённый облик его супруги, стоящей на верхней площадке лестницы.

(3) *It was his wife... There was grace and mystery in her attitude as if she were a symbol of something... If he were a painter he would paint her in that attitude... Distant Music he would call the picture if he were a painter* [11, p. 42, 43]. / *Это была его жена... В её позе была грация и тайна, как если бы она несла собой какой-то символ... Будь он художником, то написал бы её в этой позе... Он назвал бы картину «Отзвуки музыки», если бы был художником.*

Оставшись наедине с мужем, Грэтта под влиянием чувств и по настоянию супруга объясняет, что её отрешённое состояние было связано с воспоминанием о смерти её друга в далёкой юности – Майкла, который пел эту же песню. Узнав о предстоящем отъезде Грэтты в школу при монастыре, хрупкий из-за болезни туберкулёзом Майкл ночью пришёл в сад к её окнам.

The window was so wet I couldn't see... and there was the poor fellow at the end of the garden, shivering... I implored of him to go home at once and told him he would get his death in the rain. But he said he didn't want to live... And when I was only a week in the convent he died [Ibidem, p. 55, 56]. / *Окно было такое мокрое, что ничего нельзя было увидеть... а в конце сада стоял этот бедный парень, дрожа от холода... Я умоляла его немедленно идти домой и сказала, что под дождём он найдёт свою смерть. Но он ответил, что не хочет жить... И всего через неделю после моего приезда в монастырь он умер.*

После услышанного мысли Габриэла приходят в смятение. Ещё несколько минут тому назад он был уверен, что его жизнь состоялась: у него любящая жена, дети, достаток, успехи в работе. Однако образ безоглядного юноши превращает его душевный покой в иллюзию. Причиной аффекта Габриэла является его несбыточное желание оставлять единственным любимым у Грэтты.

A man had died for her sake... Better pass boldly into that other world, in the full glory of some passion, than fade and wither dimly with age... In the partial darkness he imagined he saw the form of a young man standing under a dripping tree [Ibidem, p. 56, 57]. / *Человек умер ради неё... Лучше смело уйти в мир иной в порыве*

какой-нибудь страсти, чем увядать, беспомощно старея... В сумерках ему пригрезилась фигура молодого человека, стоящего под падающими с дерева каплями дождя.

Несмотря на то, что Майкл умер задолго до знакомства будущих супругов, Габриэл оказывается под сильным влиянием его личности. Он начинает сравнивать себя с ним. Рассудительный Габриэл всегда надевает галоши, когда идёт дождь. Майклом же любовь движет и в непогоду. Идеальная любовь должна быть такой! Осознание Габриэлом данной максимы меняет его систему ценностей радикальным образом, и сам себя он теперь видит иначе.

A shameful consciousness of his own person assailed him. He saw himself as a ludicrous figure... idealising his own clownish lusts [Ibidem, p. 54]... / Его охватило осознание собственной ничтожности. Себя он видел теперь клоуном... превозносящим свои нелепые похотливые желания...

И далее:

His own identity was fading out [Ibidem, p. 58]... / Ощущение себя как личности угасало в нём...

Знакомясь с вышеприведённым эпизодом, читатель осознаёт его прототипический характер. На частном примере Дж. Джойс художественно описал часто происходящие случаи в жизни людей. Поэтому для всех нас данный фрагмент рассказа становится универсальной матрицей для интроспективных размышлений.

Разобранные примеры показывают одинаковую картину. Овладевающая нами чужая мысль принадлежит к числу неизменных истин. В силу своей всеобщности она является легкоузнаваемой и не оставляет сомнений. Ценная для слушателя чужая мысль влечёт за собой не диалогическое обсуждение, а внутренний монолог героя. Причиной этой закономерности является понимание того, что разговоры изменить общечеловеческие установки не в силах. Задача слушателя – интроспективно применить отдельные общие законы к личностному бытию.

Внутренняя речь выводит человека на самый высокий уровень свободы. Фильтром для отбора нужных идей при восприятии чужих слов становится личная мотивация слушателя. Отобранная индивидом, важная для него, чужая мысль позволяет скорректировать собственный дискурс.

Итак, чужая мысль может повлиять на слушателя непредсказуемым для говорящего образом. Мотивирующая сфера сознания человека регулирует выбор нужной для него информации из состава мировоззренческих универсалий, вербализованных другими людьми. В этом смысле характер влияния чужих мыслей на слушателя является избирательным и зависит от его собственной воли. Косвенному воздействию чужой мысли в языковой реализации свойственны преобладание внутренней речи, содержательная редукция, высокий экспликативный потенциал слов.

Список источников

1. **Аветисян М. И.** Структурно-семантический и семантико-когнитивный подходы к изучению проблем мотивации в словообразовании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67). Ч. 2. С. 59-63.
2. **Выготский Л. С.** Мышление и речь. М.: Астрель, 2011. 174 с.
3. **Джемс У.** Прагматизм. СПб.: Шиповник, 1910. 244 с.
4. **Дьюи Дж.** Психология и педагогика мышления. М.: Совершенство, 1997. 208 с.
5. **Кант И.** Критика чистого разума. СПб.: Мидгард, 2007. 1120 с.
6. **Пирс Ч. С.** Рассуждение и логика вещей. М.: РГГУ, 2005. 376 с.
7. **Потебня А. А.** Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. М.: URSS, 2012. 168 с.
8. **Трубецкой С. Н.** О природе человеческого сознания. М.: Мысль, 1994. 592 с.
9. **Ishiguro K.** Never Let Me Go. L.: Faber and Faber, 2005. 282 p.
10. **Ishiguro K.** The Remains of the Day. L.: Faber and Faber, 2005. 258 p.
11. **Joyce J.** The Dead. L.: Aziloth Books, 2015. 64 p.

SOMEONE ELSE'S IDEA IN THE FUNCTION OF INDIRECT INFLUENCE

Pilatova Valentina Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg University
pilatova_vn@mail.ru

For the first time the article describes one of the cognitive methods of indirect influence on people's vital activity. We consider those situations when a person becomes accidentally aware of someone else's idea, and this circumstance entails changes in his/her life. The method of linguistic units identification makes it possible to reveal the characteristic features of the text components under study. The author comes to the conclusion that they include harmonious combination of universal social ideas and motivating sphere of the individual's consciousness, high explicative valence of the text, the condensed form of presentation and the dominance of inner speech in the narrative. Finally, the paper notes that we are subjected to indirect influence on the part of the people, who possess ideas valuable for us, voluntarily and selectively.

Key words and phrases: indirect influence; someone else's idea; semantic expansion; inner speech; motivating sphere of consciousness; universal truth.